

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Социальная история народов Азии. Отв. редакторы А. М. Решетов и Ч. М. Таксами. М. 1975, 275 стр.

Рецензируемый сборник подготовлен и издан в честь 70-летия известного советского этнографа, доктора исторических наук С. М. Абрамзона, внесшего значительный вклад в изучение этногенеза, этнической истории, социальной организации народов Средней Азии, а также в решение общетеоретических проблем этнографии, связанных с родо-племенной структурой, браком и семьей и т. д.

Сборник посвящен традиционным социальным институтам, существовавшим у народов Азии и Кавказа в прошлом — в скифское время (по данным археологии), в XVII—XVIII вв. (по архивным материалам), в XIX—первой половине XX в. (по данным этнографии). Статьи в сборнике расположены по региональному принципу: две статьи по Кавказу, три по Средней Азии, пять по Сибири, семь по Зарубежной Азии и одна статья (археологическая) охватывает Казахстан, Сибирь и Центральную Азию. Авторы рассматривают общину у абхазов, киргизов, кумандинцев; возникновение первого общественного разделения труда у народов Северо-Восточной Сибири; собственность на землю, пастбища и кочевья у тувинцев; издольные отношения у узбеков; социальную организацию у корейцев, тибетцев, вьетнамцев, народов Бихара (Индия); вступают в дискуссию по вопросу о рабовладении на Кавказе, о кастах в Индии; анализируют концепцию «рыхлой структуры» таиландского общества; дают характеристику кавказских «вольных обществ», мужских объединений в Ферганской долине, ремесленных цехов в Турции.

Сборник открывается статьей Л. И. Лаврова о «вольных обществах» и рабовладении на Кавказе. О «вольных обществах» автор говорит сравнительно мало (стр. 6—8). По его мнению, сначала эти общества находились под властью феодалов, и лишь потом освободились и стали «вольными», учредив у себя демократические порядки. На вопрос же о том, проходили ли народы Кавказа рабовладельческую формацию, автор останавливается более подробно и высказывает свою точку зрения весьма решительно, резко противопоставляя ее всем остальным. «До сих пор,— утверждает он,— этот вопрос решался не столько на основе фактов, сколько на основе схемы и далеких аналогий» (стр. 8).

Автор полагает, что рабовладельческой формации на Кавказе не было, хотя там существовал все же рабовладельческий уклад (стр. 14). В своем общем выводе автор, вероятно, прав, но мы думаем, что вряд ли стоило упрекать инакомыслящих в том, что они «закрывают глаза» на факты и руководствуются лишь «косвенными соображениями».

Р. К. Чанба пишет об общине и земельных отношениях в Абхазии в XIX в. Из его статьи читатель почерпнет весьма ценные сведения о наличии в начале XIX в. социальной дифференциации внутри абхазской общины (стр. 19), о системе управления общинной жизнью, об институте трудовой взаимопомощи (*кераз*), о переходе общинного управления в руки привилегированных сословий (в середине XIX в.), о дальнейшем имущественном и социальном расслоении в общине, о появлении частной собственности на землю. Некоторые детали нуждаются в уточнениях. Неясно, например, по какому принципу строился *кераз*: по родственному (как говорится на стр. 23) или по территориальному (как говорится на стр. 22). Сомнительно, чтобы «все члены одного рода, какого бы поколения они ни были, считались братьями и сестрами» (стр. 20).

Большой интерес представляют материалы, приведенные И. Нураковым в статье об аильной общине у киргизов конца XIX—начала XX в., и Ф. А. Сатлаевым в статье об аильной общине у кумандинцев во второй половине XIX—первой четверти XX в. Как и в абхазской, в этих общинах наблюдалась социальная дифференциация. Правда, Ф. А. Сатлаев полагает, что имущественное неравенство в кумандинской общине появилось недавно, после прихода в предгорный Алтай русских (стр. 107), но это положение им в статье не доказано. Не исключено, что неравенство, может быть не

столь резко выраженное, существовало и раньше. Что касается киргизской айльной общины, то в ней, как пишет И. Нураков, «уже давно существовало глубокое социальное расслоение» (стр. 65).

Второй важный признак этих общин — большое значение родственных уз, вплоть до наличия родовых групп. В этой связи встает вопрос о том, насколько правильно называть эти общины сельскими. Видимо, прав И. Нураков, когда он пишет, что айльная община киргизов, которая уже не была родовой, «не была в то же время территориальной в прямом смысле этого слова» (стр. 72). Все дело в том, что путь развития от родовой общины к общине сельской содержит нередко промежуточную ступень — общину, состоящую из нескольких больших семей, с социально неоднородным составом, в которой связи по родству еще сильны, но они обслуживают иные, чем в родовой общине, отношения, а именно — отношения социального неравенства. Рассматриваемые в статьях общины (абхазскую, киргизскую, кумандинскую) точнее было бы представлять нам, отнеси к этой стадии.

Р. Р. Рахимов в статье «Мужские объединения у узбеков и таджиков Ферганской долины», в основу которой положены полевые материалы автора, собранные им в 1972 г., рассказывает о гостевых домах (гап или гаплаш, гапхури) объединявших от 10 до 30 мужчин. Он справедливо указывает, что пока старики сохраняют память об этом социальном институте, этнографы должны его изучить. В статье дается описание гостевого дома, коллективных трапез, устраиваемых в нем. Автор считает, что эти мужские объединения генетически восходят к мужским союзам первобытного общества (стр. 34).

А. Д. Грач и Г. Н. Грачева в своих статьях пытаются по материалам погребений (первый — скифского времени, вторая — современных или недавних захоронений) делать выводы о характере хозяйственной деятельности и формах социальной организации, в частности о таких институтах, как экзогамия и род, семья, возрастные группы, положение женщины в обществе, социальная и имущественная дифференциация. Материалы и выводы авторов заслуживают внимания. Прав, видимо, А. Д. Грач, что реконструкция форм общества и семьи, по данным археологии, «находится еще в самом начале пути». Но прав он и в том, что это перспективное дело (стр. 179).

Малоубедительной представляется статья Р. Я. Рассудовой «Издольные отношения в некоторых районах Средней Азии (конец XIX — начало XX в.)». Опираясь главным образом на собственные полевые материалы, собиравшиеся с 1952 г. в Ферганской долине, Самаркандской области, в верховьях р. Кашкадарьи и в Ташкентском оазисе, автор пытается проследить, как изменялось значение терминов, обозначавших различные группы крестьян-узбеков. Так, например, термин «каранда», по ее мнению, сначала обозначал зажиточных крестьян, имевших свою землю (стр. 52, 53); позднее этим термином стали называть издольщиков (стр. 54); еще позднее термин «каранда» вообще вышел из употребления, будучи вытесненным термином «чайрикор» (стр. 55). На наш взгляд, автор допустил ошибку в методе исследования, положив в основу данные полевой этнографии (стр. 51). Ведь значение терминов в разные хронологические периоды можно установить главным образом по архивным материалам (кстати, на последние в статье не дается прямых ссылок).

И. С. Вдовин показывает, как возникло первое общественное разделение труда у народов северо-востока Сибири. В этом районе, как известно, не было ни земледелия, ни пастушеского скотоводства. Автор справедливо отмечает, что наряду с отделением скотоводства от земледелия возможны и другие варианты первого общественного разделения труда. На северо-востоке Сибири последнее сложилось «на основе пришедших в соприкосновение двух охотничьих культур — сухопутной (коряков и чукчей) и культуры, созданной эскимосами — охотниками на морских млекопитающих» (стр. 148). Важно подчеркнуть мысль о том, что это разделение труда возникло не само по себе, не под влиянием одних только природных условий, а «посредством установления обмена между ранее независимыми сферами производства, носителями которых генетически и этнически были разные племена, пришедшие в соприкосновение. До установления постоянных контактов между континентальными охотниками и морскими зверобоями все они пережили долгую историю изолированного развития» (стр. 150). Следует отметить, что положения, приведенные выше, вытекают из множества фактов, которыми насыщена эта статья.

Автор прослеживает развитие связей чукчей и коряков с эскимосами и вызванные этим изменения в образе жизни, хозяйстве этих народов, специализацию одной части населения в области оленеводства, другой — в области морского зверобойного промысла и рыболовства. Как показано в статье, появление русских ускорило эти процессы и завершило оформление первого общественного разделения труда (стр. 154).

Л. П. Потапов рассказывает о феодальной собственности на пастибаща и кочевья у тувинцев (XVIII — начало XX в.), причем выдвигает тезис о том, что земля у тувинцев была основным средством производства и находилась в частной собственности, в руках феодальной верхушки. По мнению автора, это и являлось основой феодального способа производства (стр. 124).

Ч. М. Таксами и В. А. Туголуков поставили перед собой задачу разобраться в терминах, применявшихся русской администрацией и служилыми людьми для обозначения различных групп населения Сибири в период с XVIII до начала XX в. Авторы интересуют значение таких терминов, как уезд, волость, юрт, род, улус, земля (земли-

ца), наслед и т. д. и то, в какой мере каждый из них соответствовал традиционным делениям, в частности племенным и родовым. В статье отмечается, например, что «тунгусская волость не совпадает ни с родом, ни с племенем» (стр. 78).

Авторы поднимают большой архивный материал, вводят в научный обиход новые ценные данные. Не вполне ясно, однако, в каком значении сами авторы употребляют термины племя и род.

Каждая из семи статей, посвященных социальной организации народов Зарубежной Азии, по-своему примечательна и интересна. Примером может служить статья вьетнамского ученого Нгуен Куок Лока «К вопросу о социальной организации у эдэ (Южный Вьетнам)». Аустронезийский народ эдэ интересен тем, что сохраняет вплоть до настоящего времени материнско-родовые порядки. Община, занимающая деревню, состоит из нескольких групп семей, происходящих по женской линии от общего предка (автор называет эти группы семей матронимиями). Надо полагать, что не все члены семей входят в состав матронимии (по всей вероятности, она экзогамна). Члены матронимии часто располагаются в одном длинном доме, иногда — в нескольких домах. Сведений о хозяйственных и социальных функциях матронимий автор, к сожалению, не приводит. «Несколько матронимий, живущих в одном селении, составляют общину соседского типа, называемую буон» (стр. 220). Ранее он называет эту общину сельской. Буон имеет общее управление, общие религиозные церемонии, члены общины называют себя анак буон санг (дети одной общины). Возглавляет общину попинеа — эта должность передается по женской линии, от матери к старшей дочери, но фактически управляет не сама попинеа, а ее муж (стр. 221). Статья Нгуен Куок Лока — заявка на большое и интересное исследование.

А. М. Решетов и А. Г. Яковлев привлекают внимание читателя к социально-экономическим отношениям у тибетцев в первой половине XX в. Характеризуя эти отношения как феодально-теократические у земледельцев и феодально-патриархальные у скотоводов, авторы, наряду с русскими и западноевропейскими, широко используют китайские источники, особенно журнал «Миньцзу яньцзю» («Исследование национальностей»). В статье говорится о классах и сословиях Центрального Тибета, о монашестве, о социальных институтах тибетцев-скотоводов (где классы и сословия не были ярко выражены). В заключение авторы касаются проблем, связанных с существованием у тибетцев многоженства и многожества. По мнению авторов, эти формы брака возникли у тибетцев поздно, в период формирования классового общества, и их не следует трактовать как пережитки группового брака.

Тибетское общество слабо изучено, поэтому попытка авторов обобщить фрагментарные сведения о нем заслуживает одобрения. Однако тезис о том, что «социальная организация у кочевников по форме резко отличается от таковой у земледельцев» (стр. 209), представляется нам недостаточно ясным. Вряд ли правомерно различия между феодально-теократическим строем и феодально-патриархальными отношениями трактовать как различия по форме. К тому же нам представляется, что общество Тибета в социально-экономическом отношении было единой системой, включая в себя в равной мере и земледельцев, и скотоводов, и поэтому желательно охарактеризовать его в целом, а не только по частям.

В статье Е. В. Ивановой рассматривается концепция рыхлой структуры тайландского общества, выдвинутая американским этнографом Джоном Эмбри четверть века назад. Автор дает весьма четкое представление о концепции рыхлой структуры, показывает ее достоинства и недостатки. Е. В. Иванова отмечает, в частности, что выводы о рыхлой структуре тайландского общества делаются на основании изучения отдельных деревень (репрезентативность которых никем не была доказана), а не общества в целом.

А. Н. Седловская пишет о некоторых чертах социальной организации малых народов («зарегистрированных племен») индийского штата Бихар, населяющих труднодоступные горные и лесные районы и сохраняющих в своем образе жизни черты родо-племенного строя. Автор обстоятельно характеризует земельные отношения в штате, общинную организацию этих народов (их называют также «адиваси», т. е. первопоселенцы), их семейную жизнь. Некоторые выводы автора представляются нам недостаточно обоснованными. Так, она полагает, что «среди этих народов в недалеком прошлом существовал групповой брак» (стр. 247), не указывая, что она понимает под «групповым браком» и как ей удалось определить время его бытования.

Ю. В. Ионова в статье «О социально-экономических отношениях в Корее XIX в.» пытается «проследить, как архаические формы социальных структур — рода и общины — органически вплелись в структуру феодального строя Кореи» (стр. 195). Не вполне понятно, почему сельская община рассматривается автором как архаическая (для феодализма) форма. С другой стороны, трудно представить себе, на наш взгляд, род, органически вплетенный в феодализм, даже в качестве архаического явления. Статья состоит из двух частей, слабо связанных одна с другой: в первой дается краткое описание феодальных институтов, во второй — институтов общинных и тех групп, которые автор называет патронимией и родом.

О. Г. Парфенов рассматривает некоторые аспекты проблемы касты в трудах советских исследователей. Он отмечает, в частности, большую заслугу М. К. Кудрявцева, показавшего, что индийская община была кастовой. Тем самым впервые нарушена давняя традиция, по которой индийскую общину изучали вне и в отрыве от каст, и

открыт новый этап в изучении как общины, так и кастовой системы. О. Г. Парфенов, правда, предполагает, что произошло «сращивание кастовой структуры с общинной» (стр. 256), и тем самым выдвигает тезис о возникновении каст вне общины и о периоде, когда община и касты в прошлом существовали отдельно друг от друга. Можно, однако, предполагать возникновение каст внутри общины, на почве разделения труда в ней. В статье отмечается также ценность работ А. А. Куценкова о городских кастовых группах, оказывающих заметное влияние на жизнь индийского города. Эти группы состоят из лиц, объединенных принадлежностью к одной касте и проживанием в одном районе. О. Г. Парфенов справедливо подчеркивает большой и важный вклад советских ученых в изучение каст в Индии.

В. П. Курылев в статье «К организации ремесленных цехов в Турции», опираясь главным образом на труды местных историков и этнографов, пишет о значительной специализации ремесел (в Стамбуле в XVIII в. кожевенное производство, например, делилось на 35 ремесел), об управлении цехами, процедуре приема в цех, обязанностях мастера и ученика, наказаниях за нарушение устава цеха. Статья содержит немало интересных данных. У нас есть, однако, два замечания. Автор подвергает сомнению тезис В. А. Гордлевского о том, что организация цехов в Турции сложилась под воздействием иранской культуры, и утверждает, что она сложилась под влиянием Византийской империи (стр. 267). Вряд ли, однако, здесь есть почва для противопоставления взглядов, так как В. А. Гордлевский отмечал и воздействие Византии на организацию турецких цехов, а сам автор статьи признает, что влияние Ирана «безусловно было, оно проявляется хотя бы в том, что значительная часть терминологии, связанной с ремесленными организациями Турции, имеет иранское происхождение» (там же). Далее, отмечая упадок и исчезновение цеховых организаций в наши дни, автор выражает сожаление по поводу исчезновения традиций, связанных с ними (стр. 268). Вряд ли эти сожаления обоснованы. Достаточно вспомнить, что ученик обязан был в течение пяти — семи лет «честно и правдиво служить мастеру, членам семьи, родным и детям его» (стр. 261), не получая при этом никакой платы.

Сборник, как уже было отмечено, обращен в прошлое, «от ранних этапов становления классового общества до середины XX вв.» (стр. 3). Это прошлое представляет большой интерес само по себе. Кроме того, прошлое в данном случае — это не всегда то, чего нет в настоящем. Кто хочет понять современную Азию, тот должен хорошо изучить ее прошлое по той простой причине, что оно имеет широкий выход в наши дни. Проблема каст актуальна для современной Индии, в Турции еще существуют ремесленные цехи, в Южном Вьетнаме — матронимы. Сборник в целом не только актуален, но и современен в широком значении этого слова.

К сожалению, в некоторых статьях сборника не чувствуется достаточной осведомленности авторов в современных теоретических разработках по вопросам социальной организации, в частности общины. Поэтому за обилием важного и интересного конкретного материала подчас исчезает перспектива его дальнейшего изучения и осмысления, остается не вполне ясным то значение, которое имеет этот материал для решения в общетеоретическом плане проблем, поставленных в сборнике.

Н. А. Бутинов

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЗАПИСЕЙ ЗОРИАНА ДОЛЕНГИ-ХОДАКОВСКОГО

Zorian Dołęga Chodakowski. *Spiewy sławiańskie. pod strzechą wiejską zebrane.* (Opracował z rękopisu, wstępem i komentarzem opatrzył Julian Maślanka. Teksty pieśni odkryła Leonila Małasz-Aksamitowa. Przedmową poprzedził Julian Krzyżanowski). Warszawa, 1973, 306 s.

Українські народні пісні в записах Зоріана Долєнги-Ходаковського. (Упорядкування, текстологічна інтерпретація і коментарі О. І. Дея. Атрибуція автографів і копій та передмова Л. А. Маляш і О. І. Дея). Київ, 1974, 782 стр.

Сегодня даже трудно представить, каким важным событием для всего славянского мира было бы издание этих песен во втором десятилетии прошлого века, т. е. тогда, когда они были записаны. Их бы встретили с не меньшим восхищением, чем, скажем, знаменитые сербские народные песни в издании Вука Караджича. В широко известном сборнике Михаила Максимовича «Малороссийские песни», вышедшем в Москве